

«Говорят, что закончилась молодость, – нет! Бьётся сердце моё

восемнадцати лет...»

6

То, что Туфан Миннуллин – выдающийся татарский драматург, было как-то само собою разумеющимся. Меня вот неожиданно удивила и восхитила его проза – рассказы и размышления вслух, вышедшие объёмистой книгой в 2010 году под названием «Незаконченный монолог». Три года назад до этого мы перевели на русский язык несколько его рассказов и опубликовали в нашем альманахе. Они-то и составили начало упомянутой книги. На 75-летие писателя мы сделали перевод его афоризмов и полезных советов (публикация в «КА» состоялась в том же 2010 году). Они поражают своей меткостью, часто парадоксальностью, а главное – точностью. По прочтении их неизменно говоришь себе: смотри-ка ты, а ведь верно сказано!

И вот нате вам – рубаи! Это после Хайяма-то, после Рудаки, Ибн Сины... Но Туфан есть Туфан (он расписывался «М. Туфан») – и в редкостном поэтическом жанре марку выдержал. Известный татарский писатель Марсель Галеев точно подметил: «Из рубаи Туфана лукаво выглядывает его знаменитый старик Альмандар из Альдермеша, который не перестаёт любоваться красавицами, не теряет самоиронии и жажды полноценной жизни».

Один из афоризмов Туфана-ага Миннуллина гласит: «Быть чрезмерно искренним всё равно, что ходить голым». А один из полезных советов: «Завидев красавицу, воскликнуть «о-о-о!» не забудь».

До последних дней своих Туфан-ага был, если можно так сказать, оголённо искренен, открыт и равнодушен к красоте. Об этом свидетельствуют его рубаи, открывающие этот номер, в переводе Эдурда Учарова и Галины Булатовой.

Ахат Мушинский

Мудран Миннуллин

1935–2012

1

Молодую весной, в благодатных лучах,
Пробегала красавица с жаром в очах,
Два влюблённых с восторгом за нею бежали –
Это были глаза мои в толстых очках...

2

«Сладко веет весною, – поэт написал, –
Соловьями, черёмухой», – он написал.
Я же, бедный, не зная красивых сравнений,
«Веет юной соседкой», – вчера написал...

3

До чего хороша – всё на свете забыл!
Отвернуться – и то не хватает мне сил...
Сохрани тебя жизнь от ревнивого мужа,
Чтоб он хрупкую эту красу не разбил!

4

Ах, любимая, сон не избавит от дум,
Где на грудь твою голову нежно кладу.
Просыпаясь, ищу подтверждения грёзам –
Но ни складки на простыни я не найду.

5

Ах, плутовка! Ты словно колодец с водой,
От которого спрятали ключ золотой.
Я поник – все попытки открыть бесполезны –
Засыхает без влаги побег молодой.

6

Я увидел тебя – покачнулся порог:
Скачет сердце, а сам я не чувствую ног.
Полежать бы, прекрасная, только лишь ночку
На груди твоей, зайцем свернувшись в клубок.

7

Нашу юность с ума очень просто свести –
Даже пугало – девой могло зацвести!
Не забыты и ныне те страстные ночи,
Для домашних лишь только я благочестив...

8

Говоришь, я глупец, дорогая моя?
Ты права, но глупа ведь и песнь соловья.
Что люблю тебя, знает Казань, и не только –
И Москва, и заморские даже края!

9

Написал я стишок, возле милой кружа,
Буквой «ч» по-особенному дорожа:
«Чернобровое чудо Чулпан-чаровница
Чик-чирикала чижиком, чуя чижа».

10

В полусне заприметил такую газель,
Чьими формами я восхищаюсь досель.
Чтобы лучше все прелести взором окинуть –
Я сегодня в очках отправляюсь в постель.

11

Юность – время на небе созвездья считать
И у бабушки выпросить мелочь опять,
Зимней ночью гулять с щебетуньей милой
И одно эскимо на двоих уплетать.

12

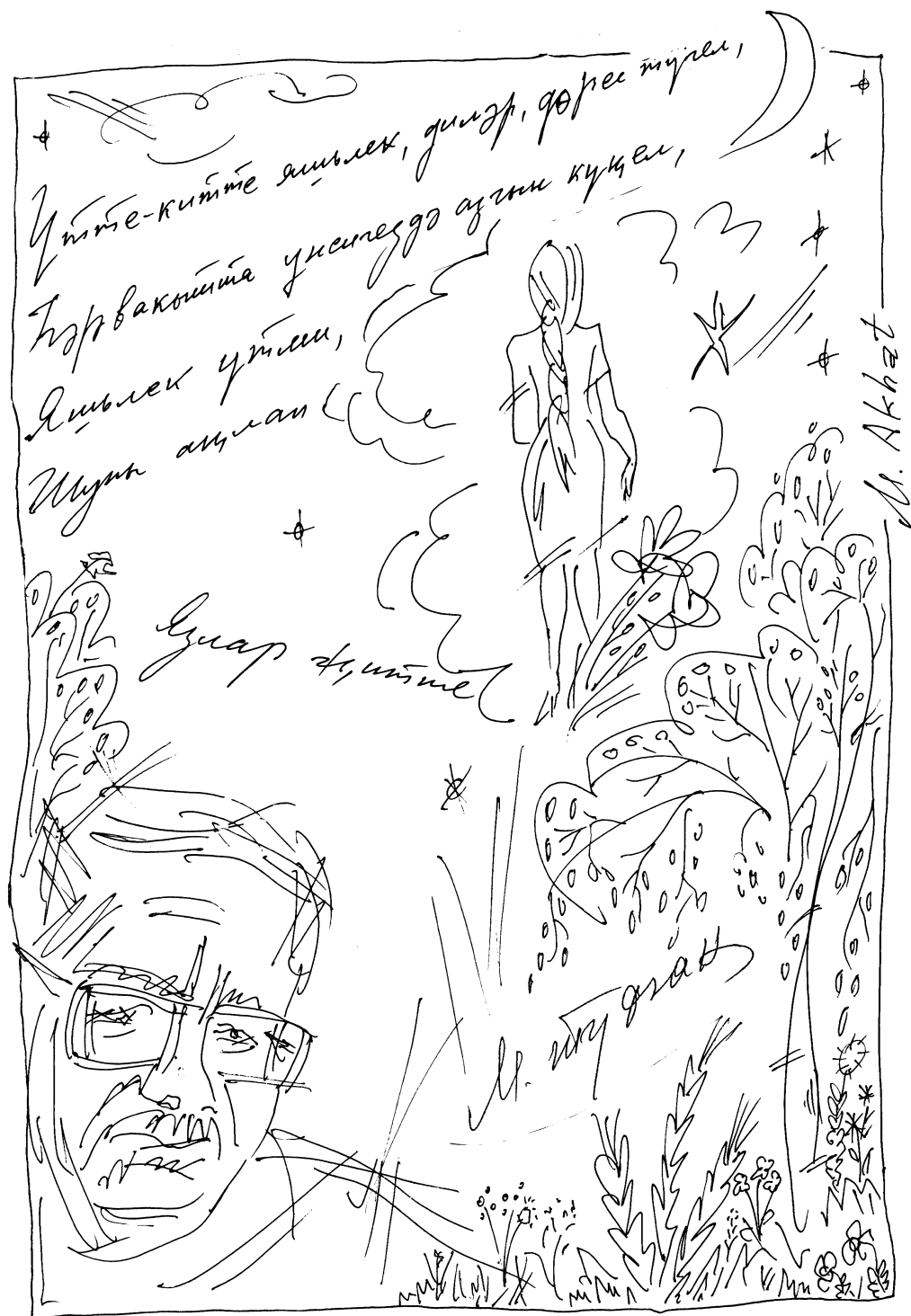
Говорят, что закончилась молодость, – нет!
Бьётся сердце моё восемнадцати лет.
Не стареет душа – только тело стареет,
И хожу я в печали от прожитых лет.

13

Зря ты, доктор любезный, считаешь мой пульс,
Я лекарством от сердца, боюсь, не спасусь.
Есть другое лекарство, когда медсестричка
Прикоснётся – и тотчас я ей улыбнусь.

14

Ты нырнёшь – я завидую этой реке,
И цветам, что колышутся в милой руке,
А сейчас сам себе я завидую пылко:
Дням, когда я тебя обнимал в уголке.

15

Есть немало имён для влюблённой четы:
Где Тагир, там Зухра – воплощение мечты.
Не войти ли и нам в этот список великий,
Где с Туфаном-абый сочеталась бы Ты?

16

Заколышутся травы садов и полей,
И, раздевшись, красавицы станут милей.
Что сказать? Может быть, зелены мои всходят,
Что посеял я осенью щедрой своей.

17

Уходи от меня, человек дурной,
Не вели тосковать о поре молодой...
Только вымолвил я – и откуда-то юность
Говорит: не спеши расставаться со мной!

18

Не сердись ты, старуха, меня не брани,
От волнений тебя, о Аллах, сохрани –
Пошались подбивают мои одногодки:
Молодой ты, Туфан, уверяют они.

19

– Здравствуй, бабушка! – девушки мне говорят.
Но мои возражают и мысли, и взгляд,
Будто ржёт молодым жеребцом на конюшне
Время юности, что не вернётся назад.

20

Расскажи, кто соловушку петь научил?
Кто посеял цветы и направил ручьи?
Но о том, что понурыми клячами станут
Жеребцы озорные, – об этом молчи!

21

Волос твой поредел, в нём дыханье зимы,
Чёрных глаз огоньки ныне тлеют из тьмы.
Всё прошло, успокойся и сядь наконец-то
На молитвенный коврик и чётки возьми...

22

Было время вчера справедливо, смотри:
Мы гуляли с красавицами до зари.
Но к чему же сейчас красота молодая,
Если мы старики – шут её побери!

23

Помнишь, в снег мы с тобою упали вдвоём,
На губах поцелуй таял сладким снежком.
А теперь говорим: это грех, и зачем-то
Нашим внукам пустые советы даём.

24

Оцени, разве я не достоин похвал!
Сам Туфан пред тобой, как солиден он стал!
И тебе, моей Душеньке, хоть и старушке,
О твоей красоте говорить не устал!

25

Посмотри, как глаза у неё хороши,
Так иного одарит – хоть пой и пляши,
Ну, а нас, восхищённых, она мимоходом,
Словно рыб, на верёвку низает сушить.

26

Губы – вишня и талия хрупко-тонка,
Две чудесные ямки на нежных щеках.
Погоди, я не кончил хвалить, дорогая,
Не спеши раздеваться, люблюсь пока!

27

И зачем же кричать, что не жизнь, а напасть,
Что на весь белый свет ты оскаливал пасть.
Только что наша жизнь в самом деле такое:
Выползаем из щели, чтоб в яму упасть.

28

Нужен муж для жены и для мужа жена,
Для акына толпа восхищённых нужна.
А понять рубаи, что написаны глупым –
Нужно море безумства и каплю ума.

29

А любовь наша дикой берёзкой росла.
Обнимать, целовать на виду у села
Не могли мы друг друга. Теперь всё иначе,
Но как жаль, слишком поздно свобода пришла.

30

Ты стареешь. Уходят и годы, и слух.
Мёрзнут ноги, когда на дворе жаркий дух.
Это всё ничего, но гораздо страшнее –
Безответно влюбляться во всех молодых.

31

От неожиданного счастья я сделался пьян:
Оказалось с тобой моё место, Лейсан.
Так скажи хоть нарочно – пусть слышат другие:
«Не балуй! Убери свою руку, Туфан!»

32

Разъярился и палку метнул в петуха:
Твоя доля, каналья, совсем не плоха.
Как же можно стерпеть, что невестами ходят
Столько куриц вокруг одного жениха!

33

Ударять по мячу так удобно ногой,
И свистеть, и кричать: «Гол! Давай, дорогой!»
Очень жалко, что думать ногой невозможно,
Что ни скажешь, а думать удобно башкой.

34

Как увижу красу – учащается пульс,
И горячей рукой я за счастьем тянусь.
То за счастьем тянусь, то отдерну я руку –
Не посыпался б старый песок мой, боюсь.

35

Разговор наш, мадам, обозначить пора:
Бог тебя сотворил из мужского ребра.
Вот его-то как раз мне сейчас не хватает –
Возвращайся на место своё, будь добра!

*Перевод
Эдуарда Учарова,
Галины Булатовой*